
Внутренняя эволюция России и ее влияние на внешнюю политику

Татьяна Кастуева-Жан

Апрель 2015

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

*Ответственность за мнения, высказанные в данной статье,
возлагается исключительно на её автора.*

Центр Россия/ННГ
©Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2015
ISBN: 978-2-36567-377-8

Ifri
27, rue de la Procession
75740 Paris Cedex 15 – FRANCE
Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00
Fax : +33 (0)1 40 61 60 60
Email : accueil@ifri.org

Ifri-Bruxelles
Rue Marie-Thérèse, 21
1000 – Bruxelles – BELGIQUE
Tél. : +32 (0)2 238 51 10
Fax : +32 (0)2 238 51 15
Email : info.bruxelles@ifri.org

Website : ifri.org

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Статьи отвечают стандартам качества ИФРИ в области редактирования и анонимной экспертной оценки.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: campagne@ifri.org

Последние публикации

– Багно-Молдавски О., *Еврейская диаспора и российско-украинский кризис*, «*Russie.Nei.Visions*», №83, март 2014.

– Ло Б., *Российская политика в Центральной Азии*, «*Russie.Nei.Visions*», №82, январь 2015.

– Косенковский М., Шрейбер В., *Национальные меньшинства Молдовы и их отношение к европейской интеграции*, «*Russie.Nei.Visions*», №81, ноябрь 2014.

Об авторе

Татьяна Кастуева-Жан руководит Центром Россия/ННГ в ИФРИ с 2014 года. Она является выпускницей Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ), франко-российской магистратуры по международным отношениям Сьянс По (Париж)/МГИМО, а также Университета Марн-ла-Валле. Её исследовательские интересы касаются внешней и внутренней политики России, мягкого влияния России (*soft power*), качества образования и человеческого капитала, а также украинского кризиса.

Содержание

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
КОНЦЕНТРАЦИЯ ВЛАСТИ НА ЕЁ ВЕРШИНЕ.....	8
Реальная озабоченность безопасностью... и её инструментализация.....	8
Контроль над энергетической рентой.....	11
ПРОВАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	13
РАСТУЩЕЕ ОСЛАБЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	17
Эрозия человеческого капитала	17
Идентификационное месиво и историческая память	19
Общество под строгим контролем	22
ЗЕРКАЛО УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	24

Краткое содержание

Жёсткая реакция России на украинский кризис оказалась неожиданной для Запада, так же как и массовая поддержка политики Владимира Путина российскими политическими элитами и населением (до 88%), несмотря на воздействие санкций и ответных мер, ставших одной из причин деградации экономической ситуации в стране. Подобный уровень поддержки не может объясняться одним лишь успехом российской пропагандистской машины, даже если её мощь с начала 2014 года достигла небывалого размаха. Несомненно, Россия инструментализирует дискурс о поведении Запада для оправдания ужесточения своей внешней политики. Однако за этим дискурсом скрываются и глубинные изменения, произошедшие с Россией и её политическим режимом: крайняя степень концентрации власти на её вершине, провал проектов экономической диверсификации и модернизации постсоветской России и ослабление общества.

Введение

“How did you go bankrupt?”
Two ways. Gradually, then suddenly.”
(Ernest Hemingway, *The Sun Also Rises*)

В одном из романов Эрнеста Хемингуэя, на вопрос «Как вы обанкротились?», один из персонажей отвечает: «Двумя способами: сначала постепенно, а потом сразу». Такой же ответ можно дать на вопрос о том, как Россия превратилась из партнёра Запада – партнёра, который, надо признать, никогда не был лёгким – в источник неопределённости и угрозы безопасности на европейском континенте. Аннексия Крыма и кризис на востоке Украины резко вывел «российский вопрос» на европейскую авансцену, однако почва для этого внезапного возвращения была подготовлена внутренней эволюцией России.

В сегодняшней России глубокий критический анализ внутренней эволюции государства и общества при Владимире Путине возможен сегодня лишь в среде интеллектуалов, оппозиционеров, активистов, блогеров и журналистов, вращающихся вокруг так называемых либеральных СМИ¹. За пределами этих, – главным образом московских, – кругов, критический подход к внутренней эволюции не стоит на повестке дня ни для элит, ни для населения. Причины ужесточения внешней политики России продолжают приписываться в основном внешним факторам, а именно, агрессивной, несправедливой, унижительной и морализаторской политике Запада.

Российский официальный дискурс за многие месяцы кризисы был хорошо отшлифован и сводится к тому, что Запад обращался с Россией как с «побеждённой» в холодной войне и проводил по отношению к ней нечто вроде «версальской политики», вызывающей унижение, сравнимое с синдромом

Это исследование получило поддержку Центра анализа, прогнозирования и стратегии (CAPS) при Министерстве иностранных дел и международного развития Франции.

Переведено с французского Натальей Киселевой-Туде.

¹ Телеканал «Дождь», еженедельники «Ведомости» и «Новая газета», радио «Эхо Москвы» и его блоги, и т.д.

Веймарской Германии после первой мировой войны². Волна расширения НАТО в сторону российских границ в 2004, удары по Сербии в 1999 году, независимость Косово, операции в Ираке и Ливии, политика в отношении Сирии, «оранжевые революции» – всё это факторы, якобы, подталкивают Россию к сопротивлению западному интервенционизму. Восприятие Запада как агрессивного и авантюристского, желающего ослабить Россию, сопровождается убежденностью в его моральном декадентстве, экономическом упадке, политической слабости и потере стратегического положения в мире. Стоит отметить, что этот дискурс разделяется и некоторыми кругами в Евросоюзе³, сталкивающимся сегодня с ростом антиамериканизма, антилиберализма и евроскептицизма, что привело во многих европейских странах к электоральным успехам крайне правых партий.

В этом прочтении, реакция России на украинский кризис представляется как легитимная самозащита, направленная на воспрепятствование западной экономической и политической экспансии, в особенности, американской, в так называемой «зоне привилегированных интересов» России, к которой относится Украина. Возникает противостояние между двумя подходами: там, где Запад рассуждает в терминах привлекательной демократической «модели»⁴, Россия мыслит в терминах могущества, соотношения сил, зоны влияния и игры с нулевой суммой.

Эта позиция России не нова: она неоднократно высказывалась в официальных заявлениях и работах российских экспертов в сфере безопасности⁵. Однако в ходе украинского кризиса Запад был застигнут врасплох резкостью реакции России и жесткостью её способов действия. Неожиданностью стала также массовая поддержка этой политики российскими элитами и населением (официальные опросы общественного мнения оценивают уровень поддержки в 88%), несмотря на воздействие санкций и ответных российских мер, ставших одной из причин деградации экономической ситуации в стране. Подобный уровень поддержки не может объясняться одним лишь успехом российской пропагандистской машины, хотя её мощь достигла с начала 2014 года небывалого размаха.

---

² См., например, *Караганов С.* Избежать Афганистана-2 // Ведомости. 28 июля 2014 <www.vedomosti.ru/opinion/news/29501801/izbezhat-afganistana-2#ixzz3DVijCFav>.

³ Растёт число публикаций об «ошибках» Запада. См., например, *Mearsheimer, John J.* Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs. Сентябрь-Октябрь 2014.

⁴ Интервью с Т. Гомаром и М. Мандрас, *Occident-Russie, la paix froide* [Запад-Россия, холодный мир] // Le Monde. 29 сентября 2014.

⁵ Типичным примером может послужить статья: *Белобров Ю.* Европейская безопасность на перепутье // Международная жизнь. Сентябрь 2013. С. 99-112.

Несомненно, Россия инструментализирует дискурс о поведении Запада для оправдания ужесточения своей внешней политики. Однако за этим скрываются глубинные аспекты эволюции России и её политического режима. Во-первых, с момента прихода Владимира Путина к власти, безопасность государства – и режима Путина как единственного её гаранта – оказывается в центре любого предпринимаемого государством действия. Комбинируясь с ренационализацией энергетического сектора и перераспределением финансовых потоков государством, этот феномен приводит к крайней степени *концентрации власти на её вершине*.

Во-вторых, *провал проекта экономической диверсификации и модернизации постсоветской России* не позволяет ей ни вписаться в процессы глобализации на условиях, которые соответствовали бы её восприятию собственной роли в мире, ни выступить в качестве привлекательной модели развития для соседних стран.

В-третьих, продолжается *ослабление российского общества*, по причине демографического дисбаланса, волн эмиграции, снижения образования, особенно в гуманитарных и социальных науках. К этому добавляется пришедшая на смену коммунистической идеологии постсоветская размытость идентичности, невозможность создания последовательной, консолидирующей и ориентированной в будущее национальной идеи. Для объяснения этого последнего фактора, инструменты политологии и теории международных отношений оказываются недостаточными и требуют дополнения психологическими и социологическими подходами.

Концентрация власти

Концентрация власти на вершине государства, начавшаяся с приходом Владимира Путина, усилилась после выборного периода 2011-2012 годов и сопровождавших его социальных протестов. Этот процесс опирается на два основания: безопасность и энергетическая рента.

Реальная озабоченность безопасностью и её инструментализация

Постсоветская Россия долго не могла по-настоящему воспользоваться «дивидендами мира»: после краха СССР и до украинского кризиса российская армия вела военные действия на своей территории (две чеченские войны, военные действия в Дагестане) и с соседними странами (Грузия). Она участвовала во многих приграничных конфликтах (Таджикистан, Приднестровье). Фактически, для этой страны, являющейся постоянным членом Совета безопасности ООН, «большой двадцатки» и «большой восьмёрки» (до исключения её из этой последней в 2014 году), внешняя или внутренняя угроза войны никогда полностью не исчезала: в 2000 году (после окончания второй чеченской войны) 52% россиян ощущали прямую военную угрозу, их было 53% в 2003 (после войны в Ираке), 37% в 2009 (после войны с Грузией) и 52% в феврале 2014⁶. В 2014 году 30% россиян считали, что необходимо увеличить численность вооружённых сил, в то время как 55% полагали, что необходимо увеличить их финансирование⁷.

Придя к власти, В. Путин начал военную реформу и постепенно увеличил военные расходы до рекордной цифры в 3,08 % от ВВП в 2013 году (для сравнения, 1,9% во Франции, 1,24% в Китае и 3,7% в США)⁸. Эта доля достигла 4,1% в

---

⁶ Опросы ВЦИОМ от 25 февраля 2009, <<http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=11478>> и от 29 апреля 2014 <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114811>>.

⁷ Опрос ВЦИОМ. 29 апреля 2014, <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114811>>.

⁸ IISS. Military Balance 2013 и Military Balance 2014.

2014 году. Этот рост отражает подход «классической державы», опирающейся на военную силу и её проекцию.

В плане внутренней безопасности, в 1990-х и 2000-х годах Россия пережила большое количество терактов. По оценкам *Terrorism Risk Index* (TRI, Maplecroft), она входит в десятку стран наиболее подверженных террористическим рискам после Сомали, Пакистана, Ирака, Афганистана, Палестинских территорий, Колумбии, Тайланда, Филиппин и Йемена⁹. Северный Кавказ долгое время был каналом «экспорта» этого риска в другие российские регионы¹⁰. Радикальный ислам и последствия, которые может иметь политика Запада на Ближнем Востоке не только для этого региона, но и непосредственно для России, побуждают её к сопротивлению западному интервенционизму, вызывающему риск обострения радикальных тенденций¹¹.

Необходимо помнить о постоянном страхе россиян перед возможным развалом страны изнутри, риск которого казался реальным в момент распада СССР и в эпоху Бориса Ельцина. Власти бдительно отслеживают любое действие, способное представить угрозу территориальной целостности страны: так, в августе 2014 «Марш за федерализацию Сибири»¹² не только не был разрешён мэрией Новосибирска, а его организаторы подверглись допросам в полиции, но при этом Роскомнадзор запретил средствам массовой информации распространять любую информацию об этой манифестации, которая была расценена как экстремистская. По мнению российского политолога Евгения Минченко, сохранение территориальной целостности РФ воспринимается президентом Путиным как «личная миссия»: она доминирует в его политике с момента прихода к власти¹³.

Российская власть также весьма серьёзно воспринимает проблему кибербезопасности, «приоритета современной армии» по выражению Сергея Шойгу¹⁴. Кибероружие приравнивается к «оружию массового поражения», способному вызвать хаос, дестабилизировать инфраструктуры или подвергнуть опасности какую-либо жизненно важную функцию государства. В феврале 2013 года Шойгу инициировал создание единого киберкомандования в российских вооружённых силах. Возможно,

⁹ Terrorism Risk Index <www.maplecroft.com/about/news/terrorism.html>.

¹⁰ Баяев П. Особенности и эволюция терроризма на Северном Кавказе // Ifri. «Russie.Nei.Visions». № 60. Июль 2011.

¹¹ Tsygankov A. La Russie et le Moyen-Orient : entre islamiste et occidentalisme [Россия и Ближний Восток: между исламизмом и западничеством] // Politique étrangère. №1. 2013. С. 79-91.

¹² Организаторы Марша основывались на статье 1 Конституции РФ и выдвигали те же идеи о федерализации, что и предложенные Россией для решения проблемы Украины.

¹³ Минченко Е. Личность и история // Российская газета. 9 августа 2014.

¹⁴ 19 октября 2013 <www.vesti.ru/doc.html?id=1143954>.

Запад недооценивает глубокое воздействие дела Сноудена на российские власти, их недоверие к Западу/США и их стремление к контролю над интернетом, этим «проектом ЦРУ» по выражению В. Путина¹⁵. Приверженность «цифровому суверенитету»¹⁶ побуждает власти к действиям по репатриации данных на российскую территорию.

Присутствие в окружении президента и на ключевых постах множества выходцев из силовых структур, в частности ФСБ, конечно, акцентирует значение, придаваемое вопросам безопасности. Но вопросы безопасности подвержены в России двум деформациям. Во-первых, укоренённая в стратегической и военной культуре, тема безопасности имеет абсолютный приоритет по отношению к экономическим и социальным вопросам, а также демократии и прозрачности. За время президентства В. Путина примеров этому было достаточно. Телеканалы (особенно НТВ) были подвергнуты сильному давлению вследствие их критики действий властей в ходе захвата заложников в театре на Дубровке в 2002 году. Федеральный закон о борьбе с экстремистской деятельностью (принятый в июле 2002) содержит статьи, предусматривающие ответственность за распространение в СМИ материалов, расцениваемых как экстремистские. Выборы губернаторов регионов были упразднены после захвата заложников в Беслане в 2004 году. Из года в год растёт доля расходов, относимых к разряду секретных: в бюджете 2015 года она достигает одной пятой совокупных и двух третей военных расходов¹⁷.

Во-вторых, сознательный и преднамеренный смысловой сдвиг смешивает в России понятия государственной безопасности с понятием безопасности самого режима Владимира Путина. Путин пришёл к власти благодаря поддержке второй чеченской войны, таким образом, его личность и его режим изначально связывались со способностью восстановить мир и гарантировать безопасность государства. Ни один другой государственный лидер в такой степени не воплощает собой одновременно политического лидера и военного главнокомандующего¹⁸. С самого начала, несмотря на «Курск» и Беслан, коммуникационная стратегия Кремля напрямую увязывала безопасность российского государства с именем президента. Это восприятие поддерживается окружением Путина: «Нет России без Путина», заявляет без обиняков

---

¹⁵ 24 апреля 2014, <www.vesti.ru/doc.html?id=1512663>.

¹⁶ *Nocetti J.* Isolating, not taming: what's behind the impetus to "digital sovereignty in Russia?" // 8 мая 2014 <www.global.asc.upenn.edu/isolating-not-taming-whats-behind-the-impetus-to-digital-sovereignty-in-russia/>.

¹⁷ *Бутрин Д.* Бюджет становится военной тайной // Коммерсантъ. 21 октября 2014 <www.kommersant.ru/doc/2594176>.

¹⁸ Гомар Т. в Note de l'Ifri. Ukraine: la crise commence [Записки Ифри. Украина: начало кризиса]. Париж: Ifri. Июнь 2014.

заместитель главы администрации президента В. Володин в ходе встречи в Валдайском клубе в октябре 2014 года. При этом это восприятие разделяется и противниками режима. В одном из интервью, Алексей Навальный, символ оппозиции режиму, заявил, что уход Путина привёл бы к риску раскола страны, начиная с Чечни, которая немедленно превратилась бы в «новое бандитское государство по типу группы ИГИЛ»¹⁹ на рубежах России.

Эта сознательно поддерживаемая размытость разделения понятий безопасности государства и режима постепенно позволила Владимиру Путину сконцентрировать в своих руках всю полноту исполнительной власти, создав «вертикаль власти» и ограничив возможности общественного пространства. Второй опорой для концентрации власти служит контроль над финансовыми потоками, особенно от энергетической ренты.

Контроль над энергетической рентой

Безопасность фундамента режима основана и на ренационализация энергетического сектора, названного В. Путиным «курицей, несущей золотые яйца»²⁰: российский бюджет наполовину состоит из экспортных доходов этого сектора. В 2003 году дело Юкоса даёт начало и становится символом процесса ренационализации. Финансовые потоки, получаемые от энергетической ренты, распределяются государством. Часть из них направляется в суверенные фонды, призванные послужить «подушкой безопасности» в случае кризиса, но могут также обеспечивать финансирование крупных инфраструктурных проектов. Другая часть предназначена для крупных государственных корпораций, которым отводится роль двигателей российской экономики и инноваций (Роснано, Ростех), или для реализации знаковых проектов (Сколково, Олимпийские игры в Сочи). Наконец, эта рента служит также для обеспечения поддержки режима среди широких слоёв населения, к которым относятся пенсионеры, бюджетники, чиновники, силовики. Их зарплаты, пенсии и пособия значительно выросли за годы правления Путина.

Заслуживает интереса понимание связи между двумя основами режима, безопасностью и энергетикой. Для противников режима, таких как Алексей Навальный, главная цель «режима жуликов и воров» заключается в личном

¹⁹ 9 сентября 2014

http://slon.ru/russia/navalnyy_ostaetsya_tolko_khlopat_drug_druga_po_plechu_i_pomnit_chno_drugoy_strany_u_nas_net-1168842.xhtml.

²⁰ Прямая линия с президентом Путиным. 18 декабря 2003.

обогащении. Вся его кампания по дискредитации действующей власти построена на разоблачении коррупции, злоупотреблений властью и офшорных схем утечки бюджетных средств. С этой точки зрения, речи о безопасности и государственном интересе служат лишь дымовой завесой, скрывающей местнические интересы клана, сформировавшегося вокруг В. Путина.

Однако существует и другая интерпретация, согласно которой, Владимир Путин и его окружение проявляют глубокую обеспокоенность безопасностью и стабильностью российского государства и привержены идее мощной России, играющей ключевую роль на мировой арене. Этот подход приписывается силовикам, гордящимся своей принадлежностью к «защитникам отчизны» и глубоко убежденным в том, что «коллективные интересы общества главенствуют над всеми остальными»²¹. С этой точки зрения, контроль над финансовыми потоками является лишь способом служения высшей цели, а личное обогащение – «побочным эффектом»²², который может быть исправлен увольнением наиболее себя скромпрометировавших (таких как бывший министр обороны А. Сердюков) или политикой «рэнационализации» элит (запрет на банковские счета и акции за рубежом для госслужащих высшего звена и их семей).

Несомненна чувствительность российских элит к темам безопасности и финансовым потокам, а также – важная часть проблемы – к обеспечению безопасности спроса на энергию и транзита в Европу. В этом смысле, не стоит недооценивать психологическое воздействие на российскую элиту антимонопольного расследования, инициированного Еврокомиссией, которое может привести к отмене привилегий Газпрома, требования третьего энергетического пакета, а также сопротивление европейцев проекту South Stream. Далеко за пределами конъюнктурных и личных экономических и финансовых интересов, российские элиты видят в этих событиях реальную угрозу безопасности российского государства через финансовые каналы.

---

²¹ Высказывание бывшего офицера разведки Юрия Кобаладзе в сборнике, посвященном известным выпускникам МГИМО. «Алфавит МГИМО». Москва: МГИМО. 2014.

²² Интервью автора с одним из политических аналитиков. Москва. Октябрь 2014.

Провал модернизации и его последствия

Полная интеграция России в мировую экономику не вызывает сомнений. В 2013 году она занимала четвёртое место среди стран-получателей иностранных инвестиций, а также четвёртое место в качестве страны-инвестора²³. Более 50% её торгового оборота приходится на ЕС. Многие страны Евросоюза зависят от поставок российского газа, при этом российский бюджет в большой степени зависит от доходов от экспорта сырья, а экономика России – от западных технологий, оборудования и потребительских товаров.

Этот структурный дисбаланс воспринимается россиянами негативно. В статьях, публикуемых некоторыми исследователями под эгидой Российской академии наук, можно прочесть о том, что США и Европа прилагают усилия по удерживанию России в роли мирового «энергетического придатка» и навязывают ей «монофакторную экономическую модель»²⁴. Навязчивый страх остаться экономической периферией мира нередко проявляется в политических речах, в которых, с начала 2000-х годов, на передний план выдвигается необходимость модернизации и диверсификации экономики для повышения конкурентоспособности России и интеграции в глобальную экономику на более выгодных условиях. Опубликованная в период его президентства, статья Дмитрия Медведева «Россия, вперёд!» полностью отразила этот дискурс: в ней изобличались энергетическая зависимость, коррупция и государственный патернализм как три основные напасти страны²⁵. Энергетическая рента рассматривалась как трамплин для остальных секторов экономики. Высокие цены на нефть позволяли с оптимизмом смотреть в будущее и намечать самые амбициозные цели: удвоение ВВП, создание 25 млн. рабочих мест в высокотехнологичном секторе, рост доли продукции с высокой добавленной стоимостью в экспорте, развитие

---

²³ UNCTAD. Flux entrants et sortants d'investissement étranger direct annuel [Входящие и исходящие потоки годовых прямых внешних инвестиций] 1970-2013.

²⁴ Дзарасов Р. Экономика насаждения отсталости // Вестник РАН. Т.84. №4. Апрель 2014. С. 291-303.

²⁵ 10 сентября 2014 <www.kremlin.ru/news/5413>.

инноваций, включение пяти российских университетов в мировой «Топ-100» и т.д.

Если определённый прогресс действительно наблюдался в различных сферах, необходимо отметить, что ничто сегодня не позволяет предсказывать радикальное изменение места России в мировом разделении труда и её глобальной конкурентоспособности. Речи об экономической диверсификации и модернизации не претворились в реальность. Замедление экономики стало заметным с 2013 года (1,3% роста) при сохранении высокой цене на нефть: оно продемонстрировало, что основанная на энергетической ренте российская экономическая модель достигла пределов роста ещё до аннексии Крыма и введения санкций Западом.

Рассмотрение причин этого провала выходят за рамки данной статьи, мы остановимся лишь на трёх главных его последствиях во внешнем плане. Первое заключается в перспективе снижения веса России в глобальной экономике, порождающей опасения последующей маргинализации страны, несмотря на тщательно отработанный официальный дискурс, в котором на первый план выдвигается принадлежность России к многообещающим развивающимся рынкам (группа БРИКС). Доля России в международной торговле в 2011 году составляла 2,3%, в сравнении с долей в 9,82% у Китая, а прогнозы на 2026 год предполагают, соответственно, что эти цифры будут составлять 2,8% и 12,3%²⁶. В 2013 году Россия насчитывала лишь шесть компаний (в сравнении с 30 китайскими), входящих в *Global Challenger List* (Boston Consulting Group), пять из которых принадлежат сырьевому сектору²⁷. Как и Китай, Россия не включена в переговоры по крупным соглашениям о свободном обмене, проводимым по инициативе США, *Transatlantic Trade and Investment Partnership* (ТТИП) и *Trans-Pacific Partnership* (ТТП), что вызывает большое беспокойство среди элит. Её доля в международных научных публикациях и зарегистрированных патентах с момента распада СССР постоянно сокращается. По четырём структурным компонентам глобальной мощи в определении Сьюзан Стрендж – безопасность, производство, кредиты и валюта, коммуникация и знания²⁸ – в России первый из них является действительным сильным козырем для России на международном уровне. Множество трений между Россией с Западом отражает расхождение между российскими амбициями и реальностью²⁹. По причине неудавшейся диверсификации

---

²⁶ HSBC. Trade Forecast – Global. 2012.

²⁷ Газпром, Лукойл, Норильский никель, Северсталь, Объединённая компания Русал и Вымпелком в сфере телекоммуникаций.

²⁸ *Strange, S. States and Markets*. Лондон: Pinter. 1994.

²⁹ По мнению Г. Джона Икенберри, конфликты с Западом таких стран как Китай, Россия и Иран отражают не силу, а слабость лидеров и режимов.

экономики и модернизации, ответы Кремля могут носить асимметричный характер и касаться скорее безопасности и геополитики (в том числе, трубопроводов), чем сферы экономики и финансов.

Во-вторых, провал экономической диверсификации и модернизации постсоветской России не позволяет ей вписаться в глобализационные процессы на условиях, которые соответствовали бы её собственным представлениям о своей роли в мире. Эта фрустрация приводит к амбивалентному отношению к самой идее глобализации, что, впрочем, свойственно не только России. С одной стороны, стремление к интеграции связано с желанием воспользоваться открывающимися возможностями и укрепить свой статус. С другой, Россия опасается негативных последствий глобализации, таких как влияние мировых кризисов, как это случилось в 2008-2009, но также потери независимости, и даже своей специфики и идентичности, в процессах, в которых главенствует Запад и, особенно, США. Поэтому Россия предпочитает «избирательный подход» к глобализации, развивает дискурс о сохранении суверенитета и пытается распространить собственную точку зрения³⁰. Стараясь расширить своё присутствие на мировых рынках и в международных организациях, она всегда стремится проводить в них свою точку зрения³¹. Рефлекс замены западных технологий и создания автономных систем, полностью контролируемых российским государством, уже действует во многих сферах: навигационная система Глонасс, поисковые программы в интернете, и т.д. Последовавшие за украинским кризисом западные санкции ещё более усилили желание снизить зависимость от Запада, например, по платёжным системам и резервной валюте. Экономические и финансовые риски добавляются здесь к теме безопасности.

Третье последствие провала модернизации во внешнем плане заключается в трудности для России стать действительно привлекательной моделью для соседних стран. К этому добавляется отсутствие политической модернизации (политические свободы, эффективные демократические институты, давление на предпринимателей, коррупция и др.) «Мягкая сила» России является в большей степени активной политикой, чем привлекательной экономической и социальной моделью³². Это подталкивает Россию к использованию в

Ikenberry, G. John The Illusion of Geopolitics. The Enduring Power of the Liberal Order // Foreign affairs. Т. 93. № 3. Май-июнь 2014.

³⁰ *Tsygankov A.* «Globalization: A Russian Perspective» в *Tickner A. B., Blaney, D. L.* (ред.) Thinking International Relations Differently. Лондон: Routledge. 2012. С. 205-227.

³¹ *Ibidem.*

³² *Kastouéva-Jean T.* Soft power russe: discours, outils, impact [Мягкая сила России: дискурс, инструменты, влияние]. Ifri. «Russie.Nei.Visions». Октябрь 2010, <www.ifri.org/?page=detail-contribution&id=6237>.

качестве основных каналов влияния кредитов, военного давления, тарифов на углеводороды. Помимо своего геополитического измерения, Евразийский союз как проект региональной интеграции призван поправить положение России как в экономическом плане, так и на уровне «мягкой силы». Особое место в этом проекте отводилось Украине и поэтому Соглашение об ассоциации между ЕС и Украиной вызвало у России страх «оказаться вытесненной не только политически и стратегически, но и экономически»³³ из того, что воспринимается ею как естественная зона влияния.

---

³³ Интервью автора в Москве с одним из экономистов. Октябрь 2014.

Растущее ослабление российского общества

В московских интеллектуальных кругах распространяется нелицеприятное и «политически некорректное» суждение о российском обществе, которое, по мнению этих кругов, явно упростилось, сделалось интеллектуально менее требовательным и, как следствие, более легковерным и покорным³⁴. Нереально было бы пытаться описать или объяснить все аспекты эволюции российского общества (кроме того, инструменты политологии и международных отношений зачастую не приносят здесь большой пользы). Мы ограничимся описанием в общих чертах некоторых вызывающих беспокойство тенденций, ослабляющих российское общество, делающих его более уязвимым, и, вместе с тем, апатичным и легко поддающимся манипуляции со стороны власти, а также более недоверчивым и агрессивным по отношению к Западу.

Эрозия человеческого капитала

На протяжении всего XX века Россия постоянно теряла своих лучших представителей на войнах, в ходе коллективизации и сталинских чисток. Волны эмиграции также приводили к ослаблению человеческого капитала в стране. По всей видимости, утечка умов усилилась с 2014 года: по данным Росстата, более 200 000 человек эмигрировали из России за восемь первых месяцев года (120 000 за тот же период в 2013). Недооцениваемая властями и численно компенсируемая мигрантами из СНГ, эта новая волна эмигрантов включает многих исследователей и предпринимателей³⁵: экономист Сергей Гуриев и основатель российского фейсбука «ВКонтакте» Павел Дуров возглавляют список.

Демографическая ситуация в стране вызывает беспокойство: активное население сократилось с 90 млн. человек в 2005 до 86 млн. в 2013 (до присоединения Крыма).

---

³⁴ Интервью в Москве с одним из профессоров МГУ. Октябрь 2014.

³⁵ Мереминская Е. Эмигранты новой волны // Новая газета. 1 ноября 2014, <www.gazeta.ru/business/2014/10/30/6282685.shtml>.

Возрастная пирамида отражает изменение состава населения: значительное сокращение молодёжи контрастирует с постоянным ростом числа пенсионеров³⁶. С середины 2000-х годов нехватка квалифицированных кадров в России вызывает серьёзную озабоченность у российских и иностранных работодателей.

Россия превосходит большинство стран ОЭСР по количеству дипломов о высшем образовании. Если некоторые вузы ещё с советских времён пользуются отличной репутацией, среднее качество образования, по всей видимости, серьёзно деградировало³⁷. В контексте «дефицита молодёжи», университеты занижают требования к уровню абитуриентов с тем, чтобы заполнить избыток свободных мест. Повышая требования при зачислении или исключая слабых студентов, они рискуют потерять государственное финансирование, размер которого зависит от количества студентов. Со времени распада СССР значительно состарился преподавательский состав; содержание образования меняется недостаточно быстро, а изменение методов преподавания зачастую носит косметический характер; российское университетское сообщество регулярно сотрясают скандалы, связанные с коррупцией и плагиатом диссертаций. Особую критику вызывает качество исследований и преподавания в гуманитарных и социальных науках, всё более подверженных политическому давлению³⁸. В борьбе за бюджетные средства в рамках различных программ, ректоры университетов проявляют образцовую лояльность власти³⁹. Высшее образование также поддаётся влиянию Российской православной церкви: об этом свидетельствуют, к примеру, создание кафедры теологии в МИФИ и открытие церквей и часовен на территориях некоторых университетов. Наконец, реформа Академии наук, неожиданно проведённая в 2013 году правительством, с целью разделения функций исследования и управления, скорее усилила среди учёных мысли об эмиграции, чем улучшила состояние науки в России⁴⁰.

---

³⁶ Число молодёжи в возрасте от 15 до 19 лет сократилось с 12,2 млн. человек в 2005 до 7,1 млн. в 2013. Число пенсионеров за этот же период увеличилось с 29,3 млн. до 33,1 млн. человек. Росстат. Онлайн данные о российской демографии.

³⁷ *Kastouéva-Jean T.* Les universités russes sont-elles compétitives ? [Конкурентноспособны ли российские университеты ?], Париж: CNRS Éditions. 2013.

³⁸ *Pipiya L.* Les transformations des sciences humaines et sociales en Russie [Изменения в российских гуманитарных и социальных науках] // *Revue internationale d'éducation*. № 49. Декабрь 2008. С. 51-61.

³⁹ Последняя встреча Путина с Союзом ректоров России 30 октября 2014 служит тому ярким примером.

⁴⁰ По этой теме см. : *Kastouéva-Jean T.* La réforme de l'Académie des sciences de Russie [Реформа Российской Академии наук] // *Regards de l'Observatoire franco-russe* 2014. Париж : Le Cherche-Midi. 2014. С. 145-147; *Дежина И.* Реформа РАН:

При этом, начиная с середины 2000-х годов в российской политике возникла тема необходимости сохранять и укреплять человеческий капитал: из четырёх приоритетных национальных проектов, начатых под руководством Дмитрия Медведева в 2005 году, один касался образования и ещё один – здравоохранения. Были отмечены некоторые сдвиги (создание исследовательских университетов, повышение зарплат преподавателям и врачам, создание инновационного центра Сколково и исследовательских лабораторий мирового уровня и т.д.), однако эти реформы остаются незавершёнными и их продолжение ставится под сомнение сегодняшним кризисом и новыми политическими ориентациями. Анализ структуры федерального бюджета в 2013-2015 году подтверждает опасение того, что проблемы человеческого потенциала теряют статус приоритетных: если доля государственной обороны, безопасности и охраны правопорядка возрастает в общих расходах бюджета (с 29,1% всех бюджетных расходов в 2012 до 35% в 2015), доли на образование и здравоохранение заметно сокращаются (с 4,8% до 4,1% и с 4,4% до 2,7% соответственно в тот же период)⁴¹.

Идентификационное месиво и историческая память

Распад СССР, названный Владимиром Путиным «великой геополитической катастрофой», обернулся и множеством мелких «личных катастроф» для большинства советских людей⁴². Прерванные профессиональные траектории, потеря иллюзий, внезапный крах системы ценностей: уровень непопулярности в России Михаила Горбачева, которому приписывают ответственность за крах системы, наглядно свидетельствует об этом постсоветском травматизме. Было бы ошибкой недооценивать существующую сегодня в России ностальгию по советской эпохе, негативные воспоминания о которой стираются в пользу представлений о порядке, равенстве (несмотря на привилегии для номенклатуры) и величии на международной арене. Кроме того, причины развала СССР никогда не были по-настоящему осознаны и приняты россиянами: Егор Гайдар, премьер-министр при Борисе Ельцине, ещё в 2006 году предупреждал об опасности мифов о коварном Западе,

---

причины и последствия для науки в России. « Russie.Nei.Visions ». ifri. № 77. Май 2014.

⁴¹ Основные направления бюджетной политики 2013-2015

<http://budget.gov.ru/files/getfile?id=310>.

⁴² Пронзительные устные свидетельства были собраны Светланой Алексиевич в книге «Время секонд хэнд». Москва: Время. 2013.

вероломные руководители которого якобы одержали победу над устойчивой и процветающей державой⁴³.

Подобная интерпретация продолжает занимать важное место в коллективном сознании россиян: в конце 2014 года, 54% населения России сожалело о распаде СССР, 55% полагало, что его можно было избежать, а 58% видело в нём заговор политических элит или Запада⁴⁴. Желание стереть унижение от поражения, воспринимаемого как случайное и несправедливое, затрагивает чувствительную струну, на которой играют российские власти. По словам Беатрис Хьюзер, «отношения Запада с Россией сегодня были бы несомненно совсем другими, если бы первый не объявил о своей «победе» в холодной войне, а отпраздновал бы конец, – как на Востоке, так и на Западе, – постоянной угрозы Третьей мировой войны с признаками ядерного Армагеддона»⁴⁵.

Мирный характер падения советской империи был поразителен для многих. Желание сохранить мир в обществе не позволило провести настоящую работу по «десоветизации». Люстрации, запрет Коммунистической партии, реорганизация КГБ, осуждение преступлений коммунистического режима: ничего из того, что предлагал Александр Солженицын в своём политическом эссе «Как нам обустроить Россию» (1990) для освобождения России от советского прошлого, не было сделано. Памятники Ленину, продолжающие украшать центральные площади российских городов, и его мавзолей на Красной площади наглядно символизируют тот исторический фон, который оказалось возможным реактивировать, несмотря на усилия некоторых неправительственных организаций, таких как «Мемориал».

При Владимире Путине множество советских символов были возвращены или реабилитированы, начиная с государственного гимна и заканчивая возвращением в школы норм ГТО и награждением маршала Язова, одного из руководителей путча, организованного против М. Горбачева в 1991 году, в момент, когда весь мир праздновал падение Берлинской стены. При этом усилия по реабилитации этой советской идентичности не мешают ни одновременной реставрации имперских символов (реабилитация памяти семьи последнего царя и белогвардейских генералов, таких как Деникин), ни сближению власти с православной церковью⁴⁶.

---

⁴³ Гайдар, Е. Веймарский синдром // Коммерсантъ. 6 февраля 2006 <www.kommersant.ru/doc/646878>.

⁴⁴ Опрос общественного мнения Левада-Центром. 1 декабря 2014 <www.levada.ru/01-12-2014/raspad-sssr-v-rossiiskom-obschestvennom-mnenii>.

⁴⁵ Heuser, B. La paix comme but de guerre : une lente redécouverte [Мир как цель войны : медленное возвращение идеи] // Politique étrangère. № 2. 2014. С. 163.

⁴⁶ О возрождении русской православной церкви и её связях с политической властью см. Garrard, J., Garrard, C. Russian Orthodoxy Resurgent : Faith and

Кроме того, центральное место в российской политике занимает идея русского мира, объединяющего соотечественников за пределами государственной территории: Россия берёт на себя ответственность за защиту миллионов русских, проживающих на территориях, часть из которых раньше принадлежала ей, в том числе *manu militari* (на основании закона об обороне 2009 года и обновлённой версии военной доктрины 2014 года). Эта концепция – воспринятая с опаской в соседних государствах – проявила свои мобилизационные возможности в украинском кризисе: она в большой мере объясняет поддержку населением аннексии Крыма и политики на востоке Украины.

«Стержнем российского здания памяти»⁴⁷ стала Великая Отечественная война (1941-1945): победа над фашизмом, этим абсолютным злом, и потребовавшиеся для этого жертвы, затрагивают глубины коллективного сознания русского народа, его самовосприятия и восприятия им своей роли в европейской истории. При Владимире Путине активная работа над исторической памятью ведётся в особом ключе: она используется для подпитывания идеи величия России, роста патриотизма, скрепления российского общества, усиливая при этом легитимность сегодняшней власти, вписывающейся таким образом в длительную историческую перспективу. Стремление защитить эту память, исключая любую интерпретацию, отличающуюся от официального прочтения, привело к созданию «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» (существовавшей в 2009-2012) и принятию закона о запрете реабилитации нацизма, налагающего ответственность, в частности, за критику в адрес действий СССР во время Великой Отечественной войны⁴⁸.

Защита памяти о войне одновременно защищает память о сталинском режиме и повышает популярность самого Сталина, оттесняя на второй план репрессии против общества. Во внешнем плане, в ходе украинского кризиса можно было наблюдать за тем, как прямая ссылка на опасность восстановления фашизма в Европе вследствие событий на Майдане послужила инструментом легитимизации политических решений, мобилизации общества и стигматизации внутренних и внешних противников.

Power in the New Russia. Оксфорд: Princeton University Press. 2008. 326 с.

⁴⁷ Koustova E. A la recherche d'une guerre perdue : la Première Guerre mondiale dans la mémoire et les politiques de l'histoire russes [В поисках проигранной войны : память о первой мировой войне и российские политические ориентации в истории] // Note de l'Observatoire franco-russe. №7. Октябрь 2014.

⁴⁸ «В отличие от европейских законов, касающихся памяти, которые квалифицируют как преступление осквернение памяти жертв преступлений, совершённых государством, российские законодатели предлагают защищать память о советском государстве... ». Kossopov N. Une loi pour faire la guerre : La Russie et sa mémoire [Закон, чтобы вести войну. Россия и её память] // Le Débat. Сентябрь-октябрь 2014. № 181. С. 103-115.

Постсоветское идентификационное месиво в основном обращено в прошлое, в то время как какой-либо объединяющей и устремлённой в будущее национальной идее так не удаётся возникнуть. Индивиды и общество погружены в смесь имперских, советских, националистических, религиозных, мессианских, консервативных и потребительских исторических символов и речей, которые власти не колеблясь инструментализируют в собственных целях. Как бы это ни казалось удивительным, российская молодёжь также примыкает к выбору в пользу «бедной державы»⁴⁹.

Соединение этих элементов приводит к усилению русского национализма и антизападных настроений, достигших самого высокого уровня со времён падения СССР. Как и в советскую эпоху, главной мишенью для критики российскими властями служат США: речь Владимира Путина в Валдайском Клубе в октябре 2014 года обличает их гегемонию, безответственность и неуважение к нормам международного права. Россия стремится теперь воплотить собой основанную на традиционных ценностях христианской цивилизации альтернативу Западу.

Общество под строгим контролем

Преследуемые призраком «оранжевой революции», российские власти постепенно создали «механизм строжайшего контроля над обществом в ходе своего рода спецоперации, начавшейся с момента возникновения в 2011-2012 годах социальных протестов. Ничего не осталось без внимания, ни один сектор, ни один сегмент общества»⁵⁰, по словам одного из приближённых к Кремлю социологов. Цель «операции» заключается в консолидации поддержки консервативного большинства и маргинализации меньшинства демократической и либеральной ориентации. В качестве инструмента используются как «пряник» для верноподданных (увеличение зарплат и пенсий в государственном секторе, доступ к ресурсам, административная поддержка, различные привилегии), так и «кнут» для непокорных (судебные разбирательства, аресты, репрессивные законы). Иностранное влияние и финансирование ограничены законами о неправительственных организациях и СМИ.

Институты представительной власти и демократические механизмы, такие как выборы, теперь играют лишь

---

⁴⁹ О российской молодёжи см. *Kastouéva-Jean T. Les jeunes Russes, "lost in stability"* [Молодые россияне, "lost in stability"] // Ramses 2014. Париж : Ifri/Dunod. 2014.

⁵⁰ Интервью с одним из социологов в Москве. Июнь 2014.

декоративную роль. «Муниципальные фильтры»⁵¹, строгие правила регистрации кандидатов и списков, а также законопроект об отмене выборов мэров больших городов нацелены на исключение из электоральной схемы недостаточно лояльных кандидатов, в то время как политическая элита взята под уздцы: помимо запрета на счета и активы за рубежом, определённым категориям чиновников, по некоторым сведениям, даже было рекомендовано отказаться от поездок за границу. Наиболее либеральные группы из окружения президента, по всей видимости, оказались маргинализованными. Олигархи подвержены страху лишения активов: дамочловым мечом висит над ними весьма популярная среди россиян идея пересмотра результатов приватизации 1990-х годов, не говоря уже об «отжимах» активов более грубыми способами. В отсутствие демократического контроля через выборы, создаётся благоприятная почва для злоупотреблений. Недавний арест олигарха Владимира Евтушенкова предвестил потерю им нефтяной компании Башнефть и напомнил, что никто из олигархов не может быть уверенным в своей неприкосновенности⁵². Наконец, в России наблюдается сильная деформация общественных связей: коррупция, замена институциональных практик неформальными⁵³, отсутствие независимой судебной системы уничтожают остатки живой силы в обществе.

«Очищенная» от любого противовеса, российская политическая система становится всё более авторитарной, централизованной и персонализированной. Президент позиционирует себя в качестве единственного арбитра, способного решать проблемы и находить выход из сложных ситуаций, что с необходимостью вызывает вопрос о личной эволюции Владимира Путина, ведь персонификация власти повышает риск ошибочных суждений и поспешных решений. Таким образом, становится ещё более выраженной асимметричность механизмов принятия решений в Москве и в демократических странах.

---

⁵¹ Необходимость собрать подписи депутатов муниципальных советов для выдвижения своей кандидатуры на выборах мэра.

⁵² Живущий в эмиграции бывший российский банкир А. Пугачев заявляет без обиняков, что в России нет частной собственности и олигархи являются лишь «крепостными» В. Путина. *Financial Times*. 8 октября 2014.

⁵³ О коррупции и неформальных практиках см. работы А. Леденевой: *How Russia Really Works: The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Итака, Лондон: Cornell University Press. 2007; *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge University Press. 2013.

Зеркало украинского кризиса

Совокупность вышеперечисленных тенденций, связанных с природой российского режима, кристаллизовалась в ходе украинского конфликта. В сфере безопасности этот кризис был воспринят как источник тройной опасности: потеря военно-морской базы в Крыму и продвижение НАТО к российским границам, угроза безопасности русскоязычного населения и, наконец, потенциально опасный опыт социальной революции, свергнувшей коррумпированный режим.

Непосредственно перед кризисом Россия попыталась добиться от Украины отказа от подписания Соглашения об ассоциации Украины с ЕС. В обмен правительству Януковича были предложены кредиты и выгодные тарифы на газ. Возможно, что переход к таким предложениям объясняется тем, что и сама Москва более не верит в экономическую привлекательность Евразийского союза⁵⁴. В сентябре 2014 года Россия настояла на своём присутствии в качестве третьей стороны на переговорах между Украиной и ЕС и добилась права высказать своё мнение о способах реализации зоны свободной торговли. Настойчивость России объясняется, помимо прочего, страхом экономической маргинализации, в том числе, в связи с потерей украинского рынка, перспективой провала проекта Евразийского союза и дестабилизации путей транзита энергоресурсов в Западную Европу.

Наконец, подавляющее большинство россиян согласилось с интерпретацией украинского кризиса через призму «возвращения фашизма» в Европе и опасности для русскоязычного населения. Российская политика на Украине не вызвала ни малейшей критики со стороны российского общества, объединившегося в патриотическом порыве под влиянием интенсивной пропаганды.

Перспектива скорого разрешения «российского вопроса» выглядит нереальной. Во-первых, описанные выше тенденции, существовавшие ещё до украинского кризиса, уже давно наводили на мысль о неизбежной конфронтации в той или иной форме между Россией и Западом, настолько расходились их траектории развития и их интерпретации различных

---

⁵⁴ *Thom F. Poutine – l'heure de vérité [Путин – момент истины] // Commentaire. № 147. Осень 2014.*

международных тем. Болезненная, эмоционально перегруженная тема Украины, кажется, окончательно развела эти траектории. Во-вторых, кризис придал этим тенденциям новую энергию. Под ударом санкций, режим ещё более ощутил угрозу собственной безопасности, что вызывает повышенный риск реакции сопротивления как внутри страны, так и на международном уровне. В-третьих, ничто не указывает на возможное изменение этих тенденций в обозримом будущем. Даже гипотетический уход Владимира Путина не гарантирует того, что следующий лидер не поддастся соблазну или не будет вынужден, для достижения внутривнутриполитических целей и мобилизации общества, продолжать ту же политику конфронтации с Западом, поскольку эта конфронтация «обеспечивает необходимые аргументы для оправдания авторитаризма режима, усиления бюрократического контроля над экономикой и сокращения гражданских прав и политических свобод»⁵⁵. До тех пор, пока Россия не сумеет обезопасить своё будущее благодаря реально конкурентоспособной экономике, современным и эффективным политическим институтам и ответственному гражданскому обществу, ею будут управлять рефлекс самообороны и необходимость противостоять Западу. Следует готовиться к тому, что «российский вопрос» будет первостепенным в европейской и международной повестке в течение очень длительного периода.

---

⁵⁵ Тренин Д. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». Москва: Европа. 2006. С. 336.